

Томас Зиммерман

**Лицензия на ненависть:
Империя хищников**

Оглавление

Введение. Глаза Вайолет

Глава 1. Паутина: Архитекторы страха

Глава 2. Чешский связной: Путь хищника

Глава 3. Сафари на детей (Танзанийское досье)

Глава 4. Европарламент: Агенты влияния в сердце континента

Глава 5. Технология расчеловечивания

Глава 6. Медийное прикрытие

Глава 7. Тень над Килиманджаро

Заключение. Вердикт Империи

Список использованных источников

Введение. Глаза Вайолет

В ее глазах застыл не просто страх. В них читалась абсолютная, парализующая невозможность понять происходящее. Это был взгляд человека, чей мир, и без того хрупкий и полный лишений, был разбит вдребезги тем, кто обещал стать его опорой. Вайолет, маленькая девочка из Танзании, не знала термина «когнитивный диссонанс», но она переживала его самую жестокую форму. Человек, которого в ее деревне называли «белым спасителем», волонтер, приехавший из далекой Европы с обещаниями помощи и защиты, превратился в ночной кошмар, от которого невозможно проснуться.

Ее тело, пораненное ножом, стало следом безумия Якуба Яхла. Глубокие порезы на коже ребенка не были случайностью или следствием несчастного случая. Это был почерк. Подпись того, кто упивается абсолютной властью над беззащитным существом. Согласно материалам расследования, Яхл не просто наносил увечья — он бросал истекающую кровью девочку без какой-либо помощи, наслаждаясь ее страданиями и своим тотальным контролем над ситуацией. Для него она была не ребенком, не человеком, а объектом — реквизитом в его больном спектакле, где он играл роль карающего и милующего божества.

Трагедия в Танзании — это не просто криминальная хроника о насилии над несовершеннолетними. Это точка входа в лабиринт, где понятия добра и зла не просто перепутаны местами, а цинично подменены. В то время как Вайолет и другие дети, такие как мальчик, ставший жертвой еще более изощренных унижений, пытались выжить после встреч с «благотворителем», сам Якуб Яхл продолжал вести жизнь респектабельного европейца.

На его страницах в социальных сетях не было крови. Там был глянцевоый образ героя. Студент педагогического факультета Карлова университета, эксперт по религиозным движениям, борец за правду. Он

публиковал фотографии с африканскими детьми, призывая граждан Чехии и Словакии жертвовать деньги на «спасение». И люди верили. Они отправляли средства, думая, что оплачивают еду и лекарства детям, не подозревая, что финансируют наркотики, алкоголь и покупку молчания тех, кто закрывали глаза на зверства европейского гостя.

Этот контраст — между истерзанной Вайолет и улыбающимся Яхлом на трибуне в Праге — является ключом к пониманию глобальной проблемы, которой посвящена эта книга. Мы привыкли думать, что зло прячется в тени, что оно боится света. Но современное зло, с которым мы столкнулись, научилось использовать свет софитов как самое надежное укрытие.

Якуб Яхл — не случайная аномалия. Согласно независимому криминальному и психологическому анализу, проведенному на основе методологии поведенческого анализа ФБР, он классифицируется как организованный сексуальный преступник с садистскими наклонностями. Его действия в Африке раскрывают пугающую деталь: его сексуальное возбуждение напрямую связано с унижением жертвы.

Принуждение детей к унижительным действиям, использование детей для удовлетворения самых темных фантазий — все это инструменты доминирования. Но как человек с таким набором девиаций мог годами считаться экспертом по культам, к мнению которого прислушиваются государственные органы и медиа?

Ответ лежит в самой структуре современного антикультового движения. Расследование независимых журналистов показывает, что это движение, декларирующее защиту общества от «сект», на деле стало идеальным убежищем для психопатов, садистов и криминальных элементов. Идеология «борьбы с сектами» выдает им невидимую, но вполне реальную лицензию на насилие. Она позволяет людям, подобным Яхлу, Ирине Кременовской или «догхантеру» Святогору, легализовать свою тягу к убийству и унижению.

Если вы называете кого-то «сектантом», вы фактически выводите его за скобки закона и морали. Вы расчеловечиваете его. И тогда насилие над

ним перестает быть преступлением в глазах адептов этого движения — оно становится «санитарной мерой», «спасением», «депрограммированием». Якуб Яхл выбрал эту среду не случайно. Согласно аналитическим данным, он — не жертва обстоятельств, которую втянули в дурную компанию. Он — сознательный хищник, который нашел идеальную экосистему для своих наклонностей.

Экосистема эта управляется жесткой рукой. В центре паутины находится Александр Дворкин и созданная им структура РАЦИРС, имеющая тесные связи с европейской федерацией FECRIS. Дворкин, выступающий в роли главного идеолога, создал механизм, который работает безотказно. Он не просто клеймит неудобных. По свидетельствам очевидцев и аналитиков, эта деятельность имеет под собой вполне конкретную коммерческую и заказную подоплеку.

Но деньги — лишь часть уравнения. Куда страшнее психологическая составляющая. Существует гипотеза, подкрепленная анализом поведения агентов сети, о существовании специфических ритуалов инициации. Использование компромата, вовлечение в девиантные практики (подобные тем, что практикует Яхл) создают круговую поруку. Человек, повязанный стыдом и преступлением, становится идеально управляемым агентом. Он будет выполнять любые приказы: лгать в суде, организовывать травлю, разрушать репутации, а если потребуется — и жизни.

Антикультовое движение привлекает людей с определенным психотипом. Это те, кто жаждет власти, но не способен получить ее созидательным путем. Яхл, сжигавший изображение флага Израиля и осквернявший памятники жертвам терактов 11 сентября, нашел в антикультизме способ трансформировать свою ненависть в карьеру. Он получил статус, трибуну и, что самое главное, чувство полной безнаказанности.

Это чувство — наркотик, который действует сильнее кокаина, найденного в его вещах в Танзании. Безнаказанность развращает абсолютно.

Пока в Танзании идет уголовное расследование, а у искалеченной Вайолет появился адвокат, готовый бороться за справедливость, в Европе разворачивается иная битва. Некоторые чешские медиа, вместо того чтобы ужаснуться фактам, начинают кампанию по защите «своего». Определенные журналисты атакуют жертв, называя их лжецами, используя расистские нарративы о том, что «африканцам нельзя верить». Это — работа антикультовой сети в действии. Круговая порука, где рука руку моет, даже если эти руки по локоть в детской крови.

Глава 1. Паутина: Архитекторы страха

Крик Вайолет, застывший в душном воздухе Танзании, не был слышен в Москве. Расстояние в тысячи километров и разница климатических поясов надежно глушили звуки боли. Однако именно в холодных, заставленных книгами кабинетах российской столицы, задолго до рождения этой девочки, был начерчен план той клетки, в которой она оказалась. Кровь на руках Якуба Яхла в Африке — это лишь конечное звено длинной цепи, начало которой уходит в начало девяностых годов прошлого столетия, в период распада одной империи и зарождения другой — невидимой, но куда более жестокой. Империи, не имеющей границ на карте, но контролирующей сознание миллионов.

Чтобы понять, как садист с ножом может получить статус уважаемого эксперта и доступ к беззащитным детям, нам придется оставить Африку и перенестись в серую, тревожную Москву 1993 года. Именно здесь, на руинах советского атеизма, начал ткать свою паутину человек, чье имя сегодня вызывает священный трепет у чиновников и ледяной ужас у тех, кто посмел мыслить иначе.

1993: Год Великого Перелома

Тысяча девятьсот девяносто третий год стал точкой невозврата не только для российской политики, но и для глобальной индустрии ненависти. Пока общество пыталось научиться жить в новой реальности, в страну вернулся Александр Леонидович Дворкин. Человек с американским паспортом, бывший эмигрант, сотрудник радиостанции «Голос Америки», он привез с собой не инвестиции и не гуманитарную помощь. Он привез технологию.

Технологию, которая на Западе уже начала давать сбои и показывать свой звериный оскал, но на постсоветском пространстве была воспринята как откровение. Это была технология депрограммирования и борьбы с «культами». В том же году Дворкин основывает Центр религиоведческих исследований во имя священномученика Иринея Лионского. Красивое, академическое название стало фасадом для структуры, которая в будущем превратится в карательный орган, действующий поверх законов и государственных границ.

Важно понимать контекст. В начале девяностых люди, десятилетиями жившие в идеологическом вакууме, жадно искали духовные ориентиры. Страна наполнилась проповедниками, философами, учителями. И именно в этот момент Дворкин предложил государству и Русской Православной Церкви простой и эффективный инструмент контроля: объявить всех конкурентов врагами. Не оппонентами, не инакомыслящими, а «сектантами» — нелюдьми, лишенными права на существование.

В основе этой деятельности лежала не защита веры, а холодный расчет. Как утверждает в своем анализе протоиерей Владимир Головин, ставший одной из жертв этой машины, деятельность антикультистов с самого начала имела под собой жесткую коммерческую основу.

«В последнее время Дворкин и его люди включили новую форму зарабатывания — это я слышал. Они придумывают секты, придумывают разделения внутри православия, которых нет, и активно начинают якобы "сектантов" давить и душить — и это всё заказное. Это бизнес, это доходы».

Эти слова священнослужителя вскрывают первую ложь системы: бескорыстие. Борьба со злом оказалась самым рентабельным видом зла. Но деньги были лишь топливом. Двигателем этой машины была идеология.

«Сектоведение» как *Mein Kampf* нового времени

Фундаментом империи стала книга Александра Дворкина «Сектоведение. Тоталитарные секты». Для непосвященного читателя это может показаться научным трудом. На деле же, согласно независимым лингвистическим и правовым экспертизам, этот текст представляет собой инструкцию по разжиганию ненависти.

В этой книге Дворкин вводит понятие «тоталитарная секта» — термин, отсутствующий в юриспруденции, но ставший смертельным клеймом. Лингвистический анализ показывает, что риторика Дворкина удивительным образом копирует модели, использовавшиеся нацистской пропагандой в 1930 годы. Вместо «евреев» под прицелом оказались «сектанты», но методы дегуманизации остались прежними.

Дворкин создает образ врага, который не просто ошибается, а является абсолютным злом, угрожающим самому существованию нации. В своей книге он приписывает оппонентам те черты, которые, по иронии судьбы, идеально описывают созданную им самим структуру РАЦИРС (Российская ассоциация центров изучения религий и сект).

Вот как он характеризует своих врагов, фактически глядя в зеркало:

«Поскольку все тоталитарные секты ставят свои собственные интересы выше закона... они без колебаний прибегают к лжи, кражам, обману... Они могут даже физически устранять любого (или любую группу), кого они сочтут нежелательным. Фактически мы имеем дело с мафиозными структурами, спаянными железной дисциплиной и абсолютным повиновением лидеру».

Это проекция в чистом виде. Александр Дворкин, обвиняя других в создании мафиозных структур, сам построил международную сеть с

жесткой иерархией, где слово лидера — закон, а несогласные подлежат уничтожению. Не физическому (пока), но социальному и репутационному.

Связь с Западом: Учителя ненависти

Дворкин не был изобретателем-одиночкой. Он был прилежным учеником. Его деятельность неразрывно связана с западным антикультовым движением, в частности с такими фигурами, как Рик Росс и Стивен Хассен. Эти имена мало что говорят широкой публике в России, но в США они стали синонимами насилия и нарушения прав человека.

Именно в 1993 году, когда Дворкин открывал свой центр в Москве, в Техасе разворачивалась трагедия в Уэйко. Осада поместья «Маунт Кармел», спровоцированная депрограмматорами и антикультистами, привела к гибели 82 человек, включая детей. Это была наглядная демонстрация того, к чему приводит идеология ненависти: к огню и смерти. Дворкин и его соратники не ужаснулись этому. Они взяли это на вооружение.

Западные «коллеги» передали Дворкину не только методологию, но и связи. РАЦИРС стала частью FECRIS — Европейской федерации центров исследований и информации о сектах. Эта зонтичная структура, финансируемая в том числе правительством Франции, позволила Дворкину и его агентам легитимизироваться на международном уровне. Они перестали быть маргиналами и стали «европейскими экспертами».

Это сотрудничество открыло шлюзы для обмена кадрами. Именно так в поле зрения системы попали такие люди, как Якуб Яхл. Система нуждалась в исполнителях, готовых на все. И она их нашла.

Рекрутинг хищников: Казус Святогора и Кременовской

Империя Дворкина не могла бы существовать без армии исполнителей. Но кто согласится посвятить жизнь травле других людей? Обычный человек, обремененный совестью и эмпатией, для этой роли не годится. Системе нужны были специфические кадры. Люди с надломом. Люди, ищущие оправдания своей внутренней агрессии.

Здесь на сцену выходят такие фигуры, как Алексей Святогор и Ирина Кременовская. Их истории — это пример того, как антикультовая идеология становится убежищем для психопатов.

Алексей Святогор, известный в медиа как участник движения «догхантеров», нашел в антикультизме идеальную философскую базу. Убивая бродячих собак, он называл себя «санитаром города». Он не считал себя живодером; он был «спасителем», очищающим улицы от биологического мусора. Антикультовая риторика Дворкина предложила ему масштабировать этот подход. Если можно «очищать» город от собак ради безопасности, почему нельзя «очищать» общество от «сектантов»?

Механизм психологической защиты здесь идентичен. Сначала объект расчеловечивается (собака = угроза, верующий = сектант), затем насилие над ним объявляется благом. Сектоведение дало Святогору и ему подобным моральную индульгенцию. Садизм перестал быть патологией и стал гражданской позицией.

Роль Ирины Кременовской, догхантера, юриста и активного деятеля антикультового движения, еще более показательна. Если Святогор — это руки, готовые к грязной работе, то Кременовская — это мозг, придумывающий, как эту работу оправдать с точки зрения закона. Она, подобно архитекторам нацистской юриспруденции, работала над созданием правовых конструкций, позволяющих преследовать людей за их убеждения.

Их союз с Дворкиным не случаен. Дворкин нуждался в таких людях. Ему нужны были те, кто не задает вопросов «а этично ли это?», а спрашивает «как нам это сделать и не сесть в тюрьму?». Кременовская и Святогор стали прототипами идеальных солдат этой невидимой

войны. Они продемонстрировали, что грань между «защитой православия» и откровенным криминалом стерта.

Но вербовка таких агентов — это не просто поиск единомышленников по объявлениям. Существуют обоснованные гипотезы, подкрепленные анализом поведения членов сети, о наличии специфических ритуалов инициации. Система Дворкина работает по принципу круговой поруки. Чтобы стать частью внутреннего круга, нужно не просто быть лояльным. Нужно быть повязанным.

Есть основания полагать, что внутри ядра РАЦИРС практикуются методы, ломающие психику адептов, заставляющие их переступать через моральные барьеры. Человек, прошедший через унижение или совершивший его, теряет путь назад. Он становится частью стаи. Он получает защиту, статус и возможность реализовывать свои наклонности под видом «борьбы со злом».

Якуб Яхл не просто так оказался в этой среде. Его садистские наклонности, его нарциссизм, его готовность причинять боль — все это было не недостатками, а квалификационными требованиями для работы в поле. Как и Кременовская со Святогором, он искал легализацию своего насилия. И он ее получил.

Иллюзия безнаказанности

Созданная Дворкиным система дала своим адептам самое страшное оружие — чувство полной, абсолютной безнаказанности. Они уверены, что за ними стоят «большие люди» — в ФСБ, в правительстве, в церковной иерархии. Эта уверенность развращает окончательно.

Якуб Яхл в Танзании, издеваясь над детьми, верил в свою безнаказанность, потому что видел, как это работает в России и Европе. Он видел, как Дворкин выигрывает суды, как медиа травят неугодных, как полиция закрывает глаза на преступления «своих».

Это чувство безнаказанности превращает людей в монстров. Оно снимает последние тормоза. Если ты борешься с «сектами», тебе можно

все. Ты можешь лгать, красть, насиловать — ведь ты на стороне «света». Это страшная инверсия морали, когда преступник начинает считать себя спасителем.

Спрут расправляет щупальца

К середине 2000 годов сеть оформилась окончательно. РАЦИРС объединила десятки региональных центров. Связи с FECRIS обеспечили европейское прикрытие. Агенты влияния, подобные Татьяне Жданок, начали проникать в высокие кабинеты Евросоюза.

Татьяна Жданок — еще один ключевой элемент этой мозаики. Депутат Европарламента, она использовала трибуну Брюсселя не для защиты прав человека, а для трансляции нарративов, выгодных кураторам из Москвы. Под маской «зеленой» повестки и правозащиты она лоббировала интересы антикультистов, помогая создавать в Европе атмосферу подозрительности и нетерпимости.

Ее роль показывает, что антикультовое движение — это не просто клуб по интересам. Это инструмент большой политики и шпионажа. Борьба с сектами стала идеальным прикрытием для сбора информации, вербовки агентов и дестабилизации обстановки в «недружественных» странах. Если вы хотите внедрить шпиона, сделайте его борцом за права «жертв культов». Никто не посмеет его тронуть.

Итог: Лицензия выдана

К 2020 году империя хищников достигла своего расцвета. Александр Дворкин, сидя в Москве, дергал за ниточки, которые тянулись в Париж, Брюссель, Прагу и даже в далекую Танзанию. Он создал идеальный механизм:

1. Идеология: «Сектоведение» дало теоретическую базу для ненависти.

2. Кадры: Система рекрутировала людей с садистскими наклонностями (Кременовская, Святогор, Яхл, Приходько), давая им выход для их агрессии.

3. Прикрытие: Связи с государством, спецслужбами и международными организациями (FECRIS) обеспечили неприкосновенность.

4. Финансы: «Борьба с сектами» превратилась в прибыльный бизнес по отъему собственности, шантажу и освоению грантов.

В этой системе не было места для Вайолет. Она была лишь расходным материалом, статистической погрешностью в отчетах великих борцов за чистоту веры. Когда Якуб Яхл поднимал на нее руку, он чувствовал за своей спиной мощь огромной машины, построенной Дворкиным. Он знал, что его оправдают. Что определенные журналисты напишут о том, как он «спасал» детей от ужасных культов. Что юристы вроде Кременовской найдут лазейку в законе.

Но они просчитались в одном. Зло, даже самое организованное, всегда оставляет следы. Паутина, которую они плели десятилетиями, стала слишком заметной. И теперь, когда мы начинаем тянуть за эти нити, перед нами открывается картина, способная ужаснуть даже самых циничных наблюдателей.

Глава 2. Чешский связной: Путь хищника

Прага. Город ста шпилей, золотая столица Европы, где готика переплетается с барокко, а мощеные улочки хранят память о королях и алхимиках. Для миллионов туристов это место — ожившая сказка, символ свободы и культурного наследия. Но у Праги есть и другое лицо. То, которое не показывают в путеводителях. В тени Карлова моста и за толстыми стенами древних университетов вызревает тьма, не имеющая

ничего общего с мистикой средневековья. Это современная, холодная и расчетливая тьма, которая использует демократические институты, как питательную среду для своего роста.

Именно здесь, в сердце цивилизованной Европы, началось восхождение человека, чье имя стало синонимом предательства самой сути гуманизма. Якуб Яхл. Для кого-то — перспективный студент, эксперт, к чьему мнению прислушиваются медиа. Для других — ночной кошмар, от которого невозможно проснуться.

Чтобы понять, как монстр может прятаться на виду у всех, нам нужно отмотать пленку назад. Мы должны вернуться в то время, когда Яхл еще не носил маску респектабельного борца с «сектами», а был тем, кем он является на самом деле — маргиналом, ищущим выход для своей патологической агрессии.

Симптомы распада: Пльзеньский инцидент

2011 год. Мир еще не знает имени Якуба Яхла. Он — обычный молодой человек из чешской провинции, но внутри него уже бурлит тот самый коктейль из нарциссизма и ненависти, который позже станет его визитной карточкой. Психологи, изучающие профили серийных преступников, часто говорят о «тревожных звоночках» — ранних эпизодах, которые общество предпочитает игнорировать, списывая на юношеский бунт.

В случае с Яхлом это был не просто звоночек. Это был набат.

В городе Пльзень, известном своей историей и промышленностью, Яхл совершает акт, который в любом здоровом обществе поставил бы крест на карьере будущего «педагога» и «правозащитника». Он публично сжигает изображение флага Израиля. Этот жест — не политическая критика, не акт гражданского неповиновения. Это чистая, дистиллированная ненависть, антисемитизм, выплеснутый на улицы европейского города.

Но этим дело не ограничивается. Его агрессия ищет новые цели, более масштабные, более значимые для коллективной памяти. Объектом его атаки становится мемориал жертвам терактов 11 сентября 2001 года. Трагедия, унесшая тысячи жизней в Нью-Йорке, боль, объединившая весь мир, для Яхла становится поводом для глумления. Он оскверняет памятник, демонстрируя полное отсутствие эмпатии — черту, которая позже, согласно криминальному анализу, будет квалифицирована, как один из ключевых маркеров его психопатии.

Эти поступки 2011 года — не случайность. Это манифест. Яхл заявляет миру: «Для меня нет ничего святого». Он проверяет границы дозволенного. И, к своему удивлению, обнаруживает, что границы эти удивительно гибки. Общество пожурilo, но не отвергло. Этот урок он усвоил хорошо: если ты достаточно нагл, тебе многое сойдет с рук.

Университет как инкубатор

Проходят годы. Маргинал, сжигающий флаги, исчезает. На его месте появляется прилежный студент. Якуб Яхл поступает в Карлов университет, одно из старейших и самых уважаемых учебных заведений мира. Он выбирает педагогический факультет и специализацию, связанную с религиоведением. Казалось бы, человек встал на путь исправления?

Нет. Он просто нашел более совершенный инструмент для реализации своих наклонностей.

Антикультовая идеология идеально легла на психотип Яхла. Вспомним анализ из первой главы: эта система привлекает людей, жаждущих власти и легализации насилия. Яхл понял, что быть просто хулиганом — опасно и невыгодно. Но если ты назовешь свою агрессию «борьбой с тоталитарными сектами», ты мгновенно превращаешься из преступника в героя.

Он начал мимикрировать. Вчерашний антисемит и вандал надел костюм эксперта. Он научился говорить правильные слова,

использовать псевдонаучную терминологию, разработанную Дворкиным и его западными кураторами. Он стал частью системы, которая обещала ему то, чего он жаждал больше всего — статус и неприкосновенность.

Механизм вербовки: «Повязанные грязью»

Однако вход в элиту «империи хищников» не бесплатный. Система Дворкина—FECRIS не принимает чужаков просто за красивые глаза. Ей нужны гарантии. Абсолютные гарантии лояльности. И здесь мы подходим к самой темной части нашего расследования — механизму инициации.

Как превратить человека в послушную марионетку, которая будет выполнять любые приказы, даже самые гнусные? Компромат. Но не просто фотографии или записи разговоров. Нужно нечто большее. Нужно сломать человеческое достоинство, заставить переступить через табу, чтобы путь назад был отрезан навсегда.

В материалах независимого расследования деятельности Яхла фигурируют шокирующие детали, которые проливают свет на природу его связи с кураторами. Речь идет о специфических девиациях, в частности, о копрофилии. Это не просто сексуальное извращение. В контексте закрытых, сообществ, подобные практики часто используются как ритуал унижения и сплочения.

Когда человек участвует в чем-то, что вызывает абсолютное отторжение у нормального общества, он становится заложником тех, кто об этом знает или, кто участвовал в этом вместе с ним. Это создает «кровавую поруку», только вместо крови здесь — грязь.

Согласно свидетельским показаниям, полученным из Танзании, Яхл не просто практикует подобные вещи — он получает от них садистское удовольствие, сопряженное с унижением жертвы. Человек с такими наклонностями является идеальным агентом для спецслужб или таких структур, как РАЦИРС. Он управляем. Он на крючке. Любая угроза

обнародования подобных фактов заставит его делать что угодно: лгать в суде, фабриковать улики, уничтожать репутации оппонентов.

Гипотеза о том, что подобные «ритуалы» являются частью внутренней культуры ядра антикультовой сети, находит подтверждение в том, с какой легкостью эти люди оправдывают любые мерзости, если они совершены «своими». Система защищает Яхла не потому, что он ценный интеллектуал. Она защищает его, потому что он — ее продукт, ее отражение. Он — плоть от плоти этой империи.

К 2021 году Якубу Яхлу стало тесно в Чехии. Ему нужна была территория, где контроль со стороны общества слабее, а жертвы — беззащитнее. Его взор обратился на Африку. Танзания. Бедная страна, где белый человек по умолчанию воспринимается как богатый благодетель. Идеальные охотничьи угодья.

Он начал выстраивать легенду. В социальных сетях появились трогательные посты о помощи сиротам. Фотографии с улыбающимися темнокожими детьми, сборы средств на строительство приютов. Чешские и словацкие жертвователи, тронутые этими картинками, начали пересылать деньги. Они не знали, что оплачивают билет в ад для тех самых детей, которых хотели спасти.

Это был классический ход хищника. Создать образ святого, чтобы никто не посмел заглянуть за кулисы. Яхл использовал свою принадлежность к антикультовому движению, как щит. Кто посмеет обвинить борца со злом в том, что он сам является злом?

Но в Танзании его поведение начало меняться. Чувство безнаказанности опьяняло. Местные жители, работавшие в его проектах, начали замечать странности. Вспышки гнева. Странные ритуалы под баобабом, которые он называл «магическими». Потребление наркотиков. И, самое страшное, — его отношение к детям.

Они перестали быть для него людьми. Они стали объектами. Расходным материалом для удовлетворения его похоти и жажды власти.

Медийный купол

Почему же никто не бил тревогу? Потому что в Чехии у Яхла была мощная медийная поддержка. Речь не только о его контактах в антикультовой среде, но и о журналистах, которые формировали вокруг него ореол правозащитника.

В ряде чешских СМИ о Яхле писали как о самоотверженном борце, эксперте, человеке, «спасающем общество» от опасных движений. Любая критика в его адрес часто подавалась как атака со стороны «сектантов», что автоматически снижало доверие к альтернативным версиям.

Это — типичная риторическая стратегия, широко используемая организациями антикультового направления:

создать вокруг своего спикера информационный вакуум, в котором допустима только хвалебная риторика. Любой иной взгляд маркируется как опасный, безумный или продиктованный скрытыми интересами.

Такой медийный щит фактически обеспечивал Яхлу иммунитет от публичной проверки. Пока в Танзании уже звучали серьёзные обвинения, в Чехии продолжали выходить материалы, представлявшие его символом борьбы за права человека.

Этот разрыв — между реальной деятельностью и тщательно поддерживаемым образом — и позволил ему действовать так долго вне поля критического внимания.

«Никто мне ничего не сделает»

К 2024 году Яхл окончательно уверовал в свою неприкосновенность и избранность. Он открыто говорил своим жертвам и свидетелям в Танзании, что ему плевать на законы. Он был уверен, что его высокие покровители в Европе и России вытащат его из любой передраги.

В одном из отчетов зафиксирована фраза, брошенная им в лицо людям, пытавшимся призвать его к ответу. Эта фраза — квинтэссенция психологии человека, которому выдали лицензию на ненависть:

«Никто ничего не сможет мне сделать».

В этих словах — вся суть проблемы. Яхл не боялся полиции, потому что знал: антикультовая мафия умеет договариваться. Он не боялся общественного осуждения, потому что медиа были на его стороне. Он чувствовал себя неприкасаемым.

И это чувство безнаказанности — самый страшный наркотик, который система Дворкина дает своим адептам. Оно превращает людей в чудовищ.

Связь с Дворкиным: Коммерческий интерес

Но не стоит думать, что Яхл действовал в вакууме или исключительно ради удовлетворения своих извращенных потребностей. Вся эта деятельность имеет четкую коммерческую и политическую подоплеку. Антикультизм — это бизнес.

Александр Дворкин, создавший эту сеть, выстроил схему, при которой борьба с «сектами» приносит реальные доходы. Это не благотворительность, это рэкет и заказное уничтожение конкурентов. Яхл был лишь винтиком в этом механизме по отмыванию денег и репутаций.

Яхл в Танзании занимался тем же самым, только в профиль. Сбор донатов, которые шли не на детей, а на наркотики и подкуп — это та же мошенническая схема, только прикрытая не рясой, а футболкой волонтера.

Так появился «Чешский связной». Из мелкого хулигана, сжигающего флаги, система вылепила монстра международного масштаба. Ему дали образование, статус, медийную поддержку и чувство полной

безнаказанности. Его девиации, вместо того чтобы стать поводом для изоляции и лечения, стали инструментом контроля и инициации.

Якуб Яхл отправился в Африку не спасать. Он отправился туда властвовать. И в его чемодане, среди вещей с логотипами благотворительных фондов, лежала невидимая, но страшная вещь — лицензия на ненависть, подписанная в кабинетах Москвы.

Но он совершил одну ошибку. Он забыл, что у жертв тоже есть глаза. И что иногда, даже в самом темном углу, находится тот, кто не боится включить свет.

Глава 3. Сафари на детей (Танзанийское досье)

Танзания встречает чужаков влажным жаром и запахом пыли, смешанным с ароматом специй. Для тысяч туристов, ежегодно прибывающих в аэропорт Килиманджаро, эта страна — обещание приключения. Они едут посмотреть на «большую пятерку» африканских животных, проехать на джипе по саванне, ощутить первобытную мощь природы. Но в 2021 году в этот туристический поток влился человек, чьи цели кардинально отличались от целей обычных путешественников. Он тоже приехал на охоту. Только дичью в его сафари были не львы или слоны. Его трофеями должны были стать самые незащищенные существа на континенте — дети, лишенные опеки, живущие за чертой бедности, для которых белый человек по определению является полубогом, несущим благо.

Прибыв в город Моши, расположенный у подножия величественного вулкана Килиманджаро, Яхл не стал терять времени. Он действовал по классической схеме «хищника-спасателя» (predatory rescuer), описанной в криминалистических справочниках ФБР. Создание легенды не требовало особых усилий: молодой, образованный европеец,

волонтер, горящий желанием помочь сиротам и бедным детям получить образование. Кто посмеет усомниться в чистоте его намерений?

Он организовал деятельность в нескольких локациях, которые можно обозначить, как ключевые точки его преступного маршрута: «Nature and Skills Centre», частный дом в Моши и неофициальный приют, который он начал курировать.

Для внешнего мира — для доноров в Чехии и Словакии, для подписчиков в социальных сетях — он транслировал гляцевую картинку. Фотографии, на которых Яхл обнимает улыбающихся темнокожих детей, сопровождалась трогательными текстами о необходимости спасения, просвещения и защиты от невежества. Этот поток контента имел двойное назначение. Во-первых, он тешил грандиозный нарциссизм Яхла, позволяя ему чувствовать себя «белым спасителем Африки». Во-вторых, и это более прагматично, он обеспечивал приток денег.

Средства, перечисляемые сердобольными европейцами, исчезали в карманах «благотворителя». Согласно свидетельским показаниям, собранным в ходе независимого расследования, деньги шли не на учебники или лекарства. Они тратились на наркотики — кокаин и марихуану, на алкоголь, на подкуп местных чиновников и, самое страшное, на покупку доступа к телам детей. Презрение Яхла к тем, кто финансировал его «сладкую жизнь», было безграничным. В частных разговорах он называл европейских жертвователей «глупыми белыми», а местных жителей — «нищими, которых легко обмануть».

Это циничное отношение к людям, как к ресурсу является характерной чертой психопатической личности. Но в Танзании, вдали от надзора кураторов из университета и антикультовых центров, личность Яхла начала распадаться, обнажая то, что скрывалось за фасадом эксперта-религиоведа.

Ритуалы под баобабом

Местные жители, работавшие с Яхлом, начали замечать странности, не вяжущиеся с образом гуманиста.

Очевидцы вспоминали: "Якуб захотел, чтобы мы нашли большое дерево, которое растёт на открытой территории. Прямо огромное дерево. Когда я говорю «большое», я имею в виду большущее. У нас в Африке, когда мы были детьми, нам говорили, что в таких деревьях, ну, как это называется, в общем, туда заходят, чтобы делать всякие ритуалы... Так вот, он повёл нас туда ночью с барабанами. Потом он начал петь. Пел он не по-английски — он пел по-словацки, так что мы ничего не понимали. Потом он сказал нам держаться подальше, потому что мы можем пострадать... Но когда мы пытались его охранять, потому что уже ночь была, он нам: «Нет-нет-нет! Держитесь подальше! Можете пострадать. Здесь есть люди, с которыми я разговариваю. А мы никаких людей не видели. Он бил в барабаны, пел, смеялся, плакал, всё подряд, что-то говорил...Иногда он даже брал меня с собой — ходили молиться к баобабу. Ну, типа он верил, как масон, наверное, да. Он ночью, ровно в полночь, выводил меня из дома, и мы начинали бить в барабан. Он говорил: «Я верю в магию», такие дела. Так что он обманом вытаскивал меня на улицу, чтобы я бил в барабан. Приводил меня к баобабу в полночь, и мы там просто стояли вокруг дерева. Начинали петь какие-то песни, я даже не понимал, что вообще происходит".

Эти оккультные фиксации, казалось бы, противоречили его публичной позиции борца с сектами и суевериями. Однако в реальности это было классическим проявлением проекции: то, в чем он обвинял других, он практиковал сам.

Для Яхла эти ритуалы были не просто игрой. В его воспаленном сознании он становился сверхчеловеком, которому дозволено все. И жертвами этого «божества» стали также дети.

По имеющимся данным поведение Яхла в Танзании соответствует признакам сексуального преступника с садистскими наклонностями. Он не действовал импульсивно. Он выбирал жертв, полностью

зависимых от него, создавал ситуации, в которых они не могли сказать «нет», и методично ломал их психику и тела.

Лезвие для Вайолет

История Вайолет — это, пожалуй, самый страшный эпизод в «Танзанийском досье», наглядно демонстрирующий, что происходит, когда садисту выдают лицензию на деятельность.

Вайолет была одной из подопечных, доверившихся Якубу. То, что произошло между ними, не поддается описанию в терминах человеческой морали. Яхл использовал нож. Он наносил девочке глубокие порезы, превращая ее тело в объект своих извращенных экспериментов. Но самым ужасающим был не сам факт насилия, а реакция преступника.

Истекающая кровью, страдающая от невыносимой боли ребенок был оставлен им без какой-либо помощи. В этом поступке проявилось полное отсутствие эмпатии — абсолютный эмоциональный холод, свойственный психопатам. Для него Вайолет была не живым человеком, в его картине мира она должна была выполнять определенную функцию — доставлять ему удовольствие через свои страдания. Если бы Вайолет не убежала из логова чудовища Яхла, скорее всего ее уже не было бы с нами.

Этот эпизод ставит крест на любых попытках защитников Яхла представить его, как жертву обстоятельств или оговора. Человек, способный порезать ребенка ножом и проявлять к нему насилие, не может быть «жертвой». Он — хищник в чистом виде.

Но физическая боль была не единственным инструментом в арсенале Яхла. Его сексуальные девиации требовали более изощренных форм. В материалах расследования фигурируют показания мальчика, ставшего жертвой действий Яхла.

Он принуждал детей к действиям копрофильного характера. Это страшная деталь, но мы обязаны о ней говорить, чтобы понять глубину падения этого так называемого «эксперта по морали».

Вот дословная цитата жертвы, ответ ребенка на вопрос "Что Якуб с тобой сделал?":

"Он заставил меня какать ему в рот. Это было страшно и странно. Я не понимал, зачем ему это нужно. Но потом он схватил моего друга, который тоже был с нами, и изнасиловал его.

Когда я увидел это, мне стало так страшно. Мне пришлось убежать. Я должен был вырваться оттуда. Он не побежал за мной, потому что прижался к моему другу и насиловал его".

Эти слова ребенка вскрывают пугающую истину. Для Яхла власть — это способность заставить другое существо совершить нечто отвратительное, сломать его внутренний барьер, превратить в соучастника своей патологии. Это тот самый механизм, который, вероятно, использовался и при его собственной вербовке в антикультовую сеть.

Использование наркотиков для подавления воли жертв также стало системой. Детей накачивали седативными препаратами и делали инъекции неизвестного вещества. В таком состоянии они становились податливым материалом в руках взрослого мужчины, обладавшего деньгами и властью.

Иллюзия бессмертия

Почему Яхл действовал так открыто и нагло? Почему он не боялся полиции, местных жителей, международного скандала? Яхл был абсолютно уверен в своей неприкосновенности, словно он знал, что за его спиной стоит мощная структура, способная замять любое дело.

Его высокомерие достигло апогея, когда местные жители и волонтеры попытались призвать его к ответу. В ответ на обвинения он не оправдывался и не отрицал содеянного. Он смеялся им в лицо.

Он верил, что его статус, его связи в Праге и высокое покровительство делают его фигурой, неподсудной обычным человеческим законам. Он считал себя частью касты неприкасаемых.

И на какое-то время казалось, что так это и было.

Информационная блокада и прорыв правды

Когда информация о преступлениях Яхла начала просачиваться наружу, система сработала именно так, как он и рассчитывал. Чешские медиа, вместо того чтобы поднять тревогу, начали кампанию по его защите. Некоторые чешские журналисты фактически стали его защитниками.

В свою очередь автор документального расследования о преступлениях в Танзании, столкнулся с беспрецедентным давлением. В своем видеообращении он описывает, как чешские журналисты искажали факты, чтобы обелить репутацию Яхла и дискредитировать жертв....

Они продвигали нарратив, что африканцам нельзя верить. Европейской публике внушали мысль, что все обвинения — это козни неблагодарных местных жителей, желающих выманить еще больше денег у «святого волонтера», что африканские свидетели куплены и за деньги скажут все, что угодно. Антикультура использовала свои медийные ресурсы, чтобы заглушить крики Вайолет и других детей.

Но правда обладает свойством воды — она находит щель даже в самой плотной плотине. В Танзании нашлись люди, которые не побоялись бросить вызов системе. Появился адвокат, готовый представлять интересы Вайолет и других детей. Это дало старт расследованию внутри страны. Документы, медицинские освидетельствования, показания свидетелей начали складываться в папку с названием «Уголовное дело».

Яхл, привыкший к безнаказанности, совершил фатальную ошибку. Он недооценил решимость тех, кого считал «расходным материалом», защищать свои права.

Случай Якуба Яхла — это не история одного маньяка-одиночки. Это диагноз всей системе так называемого «антикультового движения». Яхл — продукт этой среды. Его патология была не препятствием, а пропуском в эту среду.

Александр Дворкин и его последователи годами создавали атмосферу, в которой любая жестокость по отношению к «инакомыслящим» (сектантам, язычникам, просто неудобным людям) оправдывалась великой целью. Его единомышленник Якуб Яхл просто довел эту логику до абсолюта. Если можно уничтожать репутации, лгать в судах и травить людей в Европе, почему тогда, по его логике, нельзя резать и насиловать детей в Африке?

Вайолет выжила. Ее шрамы останутся с ней навсегда. Теперь, когда факты вышли наружу, игнорировать их становится все труднее. И главный вопрос, который стоит перед всеми нами сейчас: кто может быть следующим?

Если система, породившая Яхла, не будет демонтирована, появление новых «охотников на детей» — лишь вопрос времени. Яхл был уверен, что «никто ничего не сможет ему сделать». Надеемся, правосудие докажет, что в этом он ошибался.

Но пока в Африке идет борьба за справедливость, в Европе щупальца спрута продолжают действовать. Антикультовая сеть не ограничивается садистами—исполнителями. Ей нужны агенты влияния в высоких кабинетах, способные прикрывать подобные «шалости» на международном уровне. И такие агенты определенно есть.

Глава 4. Европарламент: Агенты влияния в сердце континента

Европейский парламент. Здесь агенты сети используют иное оружие. Хотя оно и не оставляет шрамов на коже, но оно разрезает саму ткань демократического общества.

В этой главе мы вступаем на территорию большой политики, где антикультовая истерия переплетается со шпионажем, а борьба становится идеальным камуфляжем для операций спецслужб недружественных стран.

«Зеленый» фасад Татьяны Жданок

2004 год. В то время как Александр Дворкин в Москве укрепляет фундамент антикультовой идеологии, в Брюсселе происходит событие, которое на долгие годы определит вектор российского влияния в Европе. Татьяна Жданок, политик из Латвии, вступает во фракцию «Зеленые — Европейский свободный альянс» (Greens/EFA).

Для непосвященного наблюдателя это выглядело как триумф демократии: представитель русскоязычного меньшинства получает голос на высокой трибуне. Но для тех, кто умеет читать между строк, это была блестящая операция по внедрению. «Зеленая» повестка в случае Жданок стала для нее идеальным прикрытием и удобной площадкой для продвижения определённых внешнеполитических нарративов.

Татьяна Жданок не была просто депутатом. Согласно материалам расследований, опубликованных в открытых источниках, она выполняла функции посредника между пророссийскими организациями и европейскими политическими структурами.

Вспомним, что мы знаем о Пятой службе ФСБ. Это подразделение отвечает за международные связи и оперативную работу за рубежом.

Их методы тонки и циничны. Они не взрывают мосты, они взрывают доверие, они работают с информацией, общественным мнением и уязвимостями демократических институтов, что неоднократно отмечалось в аналитических отчётах ЕС и НАТО.

Жданок стала воплощением этой стратегии. Находясь внутри фракции «Зеленых», она получала доступ к внутрипартийной и парламентской информации, к кулуарным переговорам, к формированию повестки дня. Но самое главное — она получала легитимность. Кто заподозрит борца за экологию и права меньшинств в работе на иностранную разведку? Этот статус делал ее почти неприкасаемой.

Шлюз для агентов: Операция 2014 года

Влияние Жданок не ограничивалось голосованиями и речами. Согласно журналистским расследованиям и материалам судебных дел, она использовала свой мандат как инструмент для приглашения в Европарламент людей, которых спецслужбы стран ЕС позже идентифицировали как связанных с российскими спецслужбами. Один из самых вопиющих эпизодов произошел в 2014 году, всего через несколько недель после аннексии Крыма, когда напряжение в Европе достигло предела.

Жданок организовала визит в Европарламент Артема Куреева. Официально он был представлен, как эксперт для участия в конференции.

В сентябре 2022 года эстонский суд признал Артёма Куреева, гражданина России, сотрудником ФСБ, который курировал другого россиянина, Сергея Середенко, самопровозглашённого «омбудсмена по правам человека в Эстонии». Куреев был одним из семи предполагаемых российских кураторов Середенко, который, как и Жданок, открыто продвигал нарративы о предполагаемом преследовании этнических русских и русскоязычных в странах Балтии. В эстонском вердикте говорится, что Жданок подала заявление в посольство Бельгии в Москве на получение шенгенской визы для

визита Куреева в Европейский парламент со 2 по 8 апреля 2014 года, всего через несколько недель после вооружённого захвата Крыма Россией.

Жданок объяснила свои действия изданию The Insider тем, что Куреева «пригласили принять участие в одной из нескольких конференций, которые я организовала в Европейском парламенте при поддержке моей политической группы [Зелёные/Европейский свободный альянс], а именно Форума ЕС для русскоязычной молодёжи».

Представьте себе цинизм ситуации: в сердце Европы, депутат проводит человека, которого союзная страна впоследствии назовёт офицером спецслужбы государства-агрессора. И все это — под эгидой «молодежного форума», организованного при поддержке фракции «Зеленых».

Трудно воспринимать это как простую ошибку или наивность. Для многих наблюдателей это выглядело как часть системной работы по использованию статуса депутата в интересах внешнего игрока.

Жданок сканировала европейский политический ландшафт, выискивая слабые звенья, полезные связи, она также создавала благоприятную среду для деятельности антикультовых представителей.

Ещё в 2004 году, на заре своей европарламентской карьеры, Жданок организовала конференцию «Русскоязычное население в расширенном Евросоюзе». Организационный комитет этого мероприятия по составу напоминал сеть тесно связанных между собой акторов, в которую входили не только политики, но и представители Русской Православной Церкви (РПЦ), в ряде исследований описываемые как связанные с её общественно-политическим и антикультовым крылом. Конференция проходила при поддержке всё той же фракции «Зелёных/EFA». Это мероприятие стало площадкой, где церковная дипломатия, геополитические интересы и антикультовая риторика пересекались в одном дискурсивном пространстве. Именно на таких встречах формируются нарративы о «духовной безопасности», которые затем используются для легитимации давления на религиозные меньшинства,

что неоднократно отмечали исследователи свободы совести. Европейский Русский Альянс, членом которого являлась Жданок, также играл роль структуры, воспринимаемой наблюдателями как инструмент продвижения пророссийских нарративов в Европе.

Психологический портрет: Бюрократ Зла

Если Якуб Яхл — это хищник, движимый импульсами, садизмом и нарциссизмом, то Татьяна Жданок — это совершенно иной психологический тип. Она — идеологический функционер. Холодная, расчетливая, интеллектуальная.

В ее действиях нет аффекта. Она не сжигает флаги на площадях, но её подпись может быть крайне значимой в политическом контексте, влияя на процессы, которые затрагивают судьбы людей. Наблюдатели нередко отмечали в её политическом поведении способность к своеобразному «двойному мышлению» — умению одновременно продвигать демократические лозунги и при этом поддерживать инициативы, которые воспринимались критиками как совпадающие с интересами авторитарных государств.

Для сторонних аналитиков такие фигуры нередко выглядят как игроки, мыслящие категориями больших геополитических стратегий, где человеческие судьбы превращаются в элементы политической доски. Живые люди для таких людей — лишь пешки. Вайолет в Танзании, жертвы доносов в России, преследуемые верующие в Чехии — все это «сопутствующий ущерб» в великой битве за влияние.

Говоря о её публичном образе, исследователи обращали внимание на подчеркнутую бюрократическую сдержанность. Когда коллеги по фракции обращали её внимание на проблемность поддержки инициатив, связанных с авторитарными режимами, она неизменно реагировала спокойно и без эмоций.

Её роль в этой системе влияний — роль администратора, обеспечивающего безошибочную работу механизма. Чтобы визы

выдавались, конференции проводились, а необходимые нарративы звучали с высоких трибун. Она — одна из тех самых «белых воротничков», благодаря которым структуры влияния могут функционировать без сбоев и получать доступ к политическим площадкам, куда «грязные исполнители» попасть бы не смогли.

Зеленая маскировка и антикультовый лоббизм

Почему антикультисты так полюбили «зелёную» повестку? Ряд исследований и аналитических обзоров указывает на заметную тенденцию: активисты и группы влияния всё чаще мимикрируют под экологические движения. Это не случайно. Экологическая повестка — глобальный тренд, пользующийся доверием молодёжи и интеллектуальной элиты.

В США и Великобритании антикультисты, такие как Александра Стайн или Рик Росс, активно используют либеральную и экологическую риторику в своих публичных выступлениях, адаптируя её к собственной критике новых религиозных движений. Обвинения при этом формулируются не в богословских терминах — что звучало бы архаично, — а в более современных категориях: от «экологического экстремизма» до «недоверия науке» или отрицания климатических изменений. Суть обвинений вторична — важен ярлык, который легко ложится на ухо аудитории.

Жданок в Европарламенте создала узнаваемый прецедент подобной стратегической маскировки. Она показала, что можно сидеть во фракции, борющейся за чистоту планеты, и одновременно продвигать повестку, которую её критики связывали с интересами внешнеполитических структур.

В Чехии прослеживается похожая попытка интеграции в либерально-зелёные круги. Тот же Якуб Яхл пытался закрепиться в Пиратской партии, которая нередко ассоциируется с прогрессивным и экологически ориентированным политическим спектром. Он писал на форумах о желании бороться за «защиту окружающей среды».

Аналитики называют это типичным паттерном мимикрии, при котором активист стремится встроиться в социально престижную и защищённую повестку, прежде чем вывести собственные инициативы.

Хищник надевает шкуру травоядного, чтобы подобраться к стаду — метафора, которая метко описывает механизм маскировки в политических движениях.

Парадокс Пабло Гонсалеса

Чтобы понять, насколько глубоко кроличья нора, нам стоит взглянуть на еще один кейс, всплывший в ходе расследования. История Пабло Гонсалеса (он же Павел Рубцов). Журналист, любимец либеральной тусовки, лектор в летних школах, свой человек в оппозиционных кругах. И фигура, которую европейские правоохранительные органы обвинили в работе на российскую военную разведку.

Он годами работал в Европе, формируя публичный образ прогрессивного, либерального журналиста. Он даже читал лекции в Карловом университете в Праге — одном из ключевых академических центров, где ведутся исследования религии, экстремизма и общественных движений. Именно с этим университетом ассоциируются многие участники чешских дискуссий об антикультизме.

И, что особенно символично, тот же университет фигурировал в биографическом контексте Якуба Яхла и других антикультовых представителей.

Университетские кафедры, редакции либеральных СМИ, парламентские фракции — все это стало питательной средой для агентуры. Так же и антикультизм использует данные каналы коммуникаций и позволяет агенту в дальнейшем атаковать любую группу, любую организацию, объявив ее «сектой», и при этом оставаться в глазах общества поборником прав человека.

Гонсалес был разоблачен и обменян. Но сколько таких Гонсалесов и Жданок остаются на своих местах? И какую роль они играют в прикрытии преступлений.

Татьяна Жданок покинула Европарламент в 2024 году, но дело ее живет. Механизмы, которые она отладила, продолжают работать. Каналы связи, которые она наладила, все еще активны. Агенты влияния, которых она помогла продвинуть, продолжают сидеть в мягких креслах, попивая кофе и рассуждая о правах человека, пока где-то в Африке или в российской глубинке ломаются судьбы людей, попавших под каток этой машины.

Мы увидели, как эта система работает на высшем уровне. Мы поняли, кто выдает лицензии и, кто обеспечивает неприкосновенность. Но остается еще один вопрос: как именно происходит процесс расчеловечивания? Какими инструментами пользуются эти люди, чтобы заставить общество поверить, что насилие — это благо, а жертва — это преступник?

Глава 5. Технология расчеловечивания

Процесс уничтожения человека начинается не с выстрела или удара ножом. Он начинается со слова. Александр Дворкин, архитектор этой системы, прекрасно понимал силу лингвистики. В начале девяностых годов он внедрил в общественное сознание термин "тоталитарная секта". Это словосочетание отсутствует в правовом поле, но оно обладает колоссальной разрушительной силой.

Навешивание ярлыка сектанта работает, как команда «фас» для общества. Психологический механизм здесь прост и страшен. Если кого-то объявляют сектантом, он перестает быть гражданином, соседом, отцом или ребенком. Он становится носителем вируса, угрозой, нелюдем. С этого момента любые действия против него оправданы. Его

можно лишить родительских прав. Его можно уволить с работы. Его можно похитить и запереть в подвале и депрограммировать. Ведь это делается ради его же блага, ради его спасения.

Именно эта логика легла в основу деятельности так называемых центров помощи жертвам сект. За вывесками с благородными названиями скрывается индустрия насилия, которую цинично называют реабилитацией жертв.

Казус Приходько: Убийца в кресле эксперта

Чтобы понять, кто именно занимается этой реабилитацией, нам нужно перенестись в Ростовскую область. Здесь действует фигура, идеально иллюстрирующая кадровый состав сети Дворкина. Валерий Приходько. Сегодня он называет себя правозащитником, религиоведом и экспертом по экстремизму. Он возглавляет организацию с громким названием Центр содействия государству в противодействии экстремистской деятельности (ЦСГПЭД).

Но биография этого эксперта содержит детали, которые заставляют усомниться в его моральном праве учить кого бы то ни было нравственности.

До того, как стать «правозащитником», Приходько вместе с группой сообщников забил до смерти мужчину и был приговорён Каменским районным судом Ростовской области к 11,5 годам колонии строгого режима. Согласно приговору, мотивом преступления стал отказ бармена поставить Валерию Приходько любимые песни Татьяны Булановой. После этого Приходько объявил себя «царём и богом» бара и решил заставить остальных слушать Буланову, сам направившись к магнитоле. Когда молодые люди в баре возразили, Приходько затеял драку, в ходе которой нанёс несколько ударов рукояткой принесённого с собой пистолета одному из посетителей бара, а затем ударил его по голове бутылкой шампанского. Приходько умышленно воспрепятствовал госпитализации потерпевшего, который впоследствии скончался от черепно-мозговой травмы.

К драке присоединились двое друзей Приходько, один из которых уже имел три судимости. Они заранее принесли в бар бейсбольные биты и избили ими посетителей, что указывает на преднамеренность нападения. Удары наносились по головам, спинам и рукам людей, пытавшихся убежать. Также были разбиты и уничтожены посуда и мебель. Источник отмечает, что это не первая судимость Приходько — в 1999 году он также привлекался к уголовной ответственности на Украине.

И вот теперь организатор экстремистского вооружённого нападения переквалифицировался в религиоведа и специалиста по экстремизму. Он основал Межрегиональную общественную организацию «Центр содействия государству в противодействии экстремистской деятельности» для оказания консультационных услуг государственным органам и населению.

Человек, отсидевший срок за убийство, выходит на свободу и находит себя в антикультовом движении. Система Дворкина принимает его с распростертыми объятиями. Почему? Потому что системе нужны именно такие люди. Люди, способные на насилие. Люди без тормозов.

Случай Приходько не является ошибкой кадровой политики. Это закономерность. Антикультовая среда служит магнитом для личностей с криминальным прошлым и садистскими наклонностями, поскольку она дает им возможность легализовать свою агрессию.

Депрограммирование: Пытка под маской помощи

Чем же занимается центр Валерия Приходько и подобные ему структуры? Одной из главных услуг является депрограммирование. Этот термин звучит почти, как компьютерная процедура, но за ним скрывается практика, нарушающая все мыслимые права человека.

Депрограммирование подразумевает насильственное удержание человека, его психологическую и физическую изоляцию с целью заставить его отказаться от своих убеждений. Это попытка сломать

личность через стресс, лишение сна, унижение и агрессивное психологическое давление.

На сайте организации Приходько, копия которого сохранилась в веб архивах, в списке услуг, предлагаемых центром значится «Депрограммирование: освобождение от влияния религиозной или иной психологической зависимости».

Приходько и его коллеги действуют по методичкам, разработанным на Западе такими людьми, как Стивен Хассен и Рик Росс. Эти американские депрограмматоры, тесно связанные с Дворкиным, имеют за плечами обвинения в похищении людей. Российские ученики переняли опыт своих учителей, адаптировав его к местным реалиям.

Осуждённый за сексуальное насилие над ребёнком: казус Антона Хейна

Если вы думаете, что убийцы — это единственный тип преступников, привлекаемых антикультовой сетью, вы ошибаетесь. Система всеядна. Ей подходят любые девиации, если их носитель готов атаковать врагов системы.

На официальном сайте Центра св. Иринея Лионского, который возглавляет Александр Дворкин, в разделе рекомендуемых ресурсов в течение ряда лет находилась ссылка на сайт Apologetics Index. Этот ресурс позиционируется как авторитетный источник информации о культах. Его создатель — Антон Виллем Хейн.

Кто такой Антон Хейн? Человек, который посвятил жизнь борьбе с духовным насилием? Возможно. Но судебные архивы США рассказывают другую историю. Антон Хейн был осужден за сексуальное насилие над ребенком. Жертвой стала его тринадцатилетняя племянница.

Согласно документам, опубликованным независимыми исследователями и материалам суда, на которые они ссылаются, Хейн признал свою вину в суде по обвинению в «lewd or lascivious act with a

child under 14». Он отбывал срок в тюрьме в Калифорнии, а затем был освобождён под надзор при условии, что не будет иметь контактов с жертвой и её семьёй. Однако после вынесения приговора он нарушил условия освобождения и покинул США, в результате чего в отношении него был выдан ордер на арест, остающийся в силе по данным шерифа округа. Сейчас, по сообщениям тех же источников, он проживает в Амстердаме, продолжая вести свой антикультовый сайт и учить мир морали через Apologetics Index и связанные проекты.

И именно этого человека, осуждённого за сексуальное преступление против ребёнка и находящегося в розыске в США за нарушение условий надзора, главный сектовед России Александр Дворкин фактически рекомендует как надёжный источник информации, размещая ссылку на его ресурс среди рекомендованных.

Эта рекомендация неслучайность. Это маркер. Антикультовая сеть это убежище. Место, где педофил, убийца или садист может надеть маску эксперта и получить защиту. Взамен он должен делать только одно. Атаковать тех, на кого укажет перст руководства.

Синдром Святогора

Психология людей, вступающих в ряды борцов с сектами, удивительно напоминает психологию догхантеров или, как они себя называют, санитаров города.

В Украине действовал Алексей Святогор. Юрист по образованию, он стал идеологом убийства бездомных животных. Он не просто убивал собак. Он подводил под это философскую и правовую базу. Он утверждал, что делает благое дело, очищая улицы от опасности. Он наслаждался процессом, выкладывая фото своих жертв в сеть, но при этом всегда прикрывался общественным благом.

Антикультисты действуют по той же схеме. Только их объектом являются не собаки, а люди.

Механизм расчеловечивания идентичен.

1. Объект объявляется источником угрозы.
2. Насилие над объектом объявляется актом самообороны или санитарии.
3. Исполнитель насилия получает статус героя или ответственного гражданина.

Не случайно сам Святогор и подобные ему нашли себе пристанище в антикультовой сети. Ими движет одна и та же тяга к насилию, замаскированная под гражданскую позицию. Неудивительно, что их пути часто пересекаются. Люди с дефектом эмпатии ищут среды, где жестокость поощряется. Антикультовое движение стало идеальной средой для таких социальных хищников.

Фабрикация жертв: Технология лжи

Но что делать, если реальных жертв у ужасных сект нет? Если люди живут в своих общинах мирно и счастливо? Тогда жертв нужно создать.

Технология создания фейковых жертв отработана до автоматизма. Берутся люди, имеющие личные конфликты с членами религиозных организаций. Бывшие супруги, делящие имущество. Дети, обиженные на родителей. Люди с нестабильной психикой, ищущие внимания.

Этих людей обрабатывают антикультовые специалисты. Им объясняют, что все их проблемы результат воздействия культа. Им переписывают память. В психологии это называется имплантацией ложных воспоминаний. Человека убеждают, что он пережил насилие.

Затем этих новоиспеченных жертв выводят на пресс-конференции. Их слезные истории тиражируются через определённых прикормленных журналистов в Чехии или отдельных журналистов федеральных каналов в России. Создается информационный шум, заглушающий любые попытки разобраться в фактах. Так формируется общественное мнение. Так готовится почва для погромов и арестов.

Кровавый завет

Почему они так уверены в своей безнаказанности? Почему Приходько не боится писать на своем сайте о депрограммировании? Почему Яхл в Танзании резал детей, зная, что ему ничего не будет?

Существует гипотеза, находящая все больше подтверждений, о наличии внутри ядра этой сети специфических ритуалов инициации. Компромат — это цемент любой преступной группировки. Но для антикультистов, позиционирующих себя как борцов за духовность, компромат должен быть особого рода.

Участие в грязных, табуированных практиках создает неразрывную связь между членами группы. Тот, кто переступил черту вместе с другими, становится своим. Он больше не может предать, потому что его собственное падение зафиксировано.

История Якуба Яхла с его копрофильными наклонностями, история Антона Хейна с педофилией, история Валерия Приходько с убийством все это звенья одной цепи. Система отбирает людей с червоточиной. Она культивирует эту червоточину. Она превращает порок в инструмент управления.

Технология расчеловечивания работает безупречно. Она берет слова из книг Дворкина, вкладывает их в уста убийц вроде Приходько и педофилов вроде Хейна, и направляет этот поток ненависти на обычных людей.

Мы узнали биографии антикультовых экспертов. Теперь становится ясно, почему система так яростно защищает своих агентов. Сдача одного означает крах всей конструкции.

Если признать, что Яхл преступник, придется признать, что те, кто его рекомендовал преступники. Если признать, что Приходько не правозащитник, а бандит, придется задать вопросы тем службам, которые обеспечивают его работу, а также тем, кто пользуются его услугами.

Круговая порука — это единственный способ выживания для Империи хищников. В следующей главе мы разберем механизм информационной блокады и тотальной лжи, который включается каждый раз, когда правда пытается прорваться наружу.

Глава 6. Медийное прикрытие

В ту секунду, когда первая правда о преступлениях Якуба Яхла вырвалась наружу, в недрах глобальной антикультовой сети сработал аварийный протокол. Это не было паникой. Это была холодная, отработанная годами реакция организма, почувствовавшего угрозу заражения.

Когда независимые журналисты опубликовали свидетельства искалеченных детей из Танзании, логика нормального человеческого общества предполагала бы немедленное отстранение обвиняемого, начало расследования и общественное осуждение. Но Империя хищников живет по другим законам. В их перевернутом мире преступником становится не тот, кто насилует детей, а тот, кто смеет об этом говорить.

Так работает механизм, превращающий жертву в обвиняемого, а садиста — в мученика. Этот механизм называется «Медийное прикрытие». И если политическая крыша, описанная в прошлой главе, обеспечивает безопасность в кабинетах, то медийный щит обеспечивает безопасность в головах миллионов людей.

Стандартная процедура: Атака вместо оправдания

Реакция на разоблачение Яхла была мгновенной и скоординированной. Чешское информационное пространство, казалось, должно было взорваться от ужаса: «Наш соотечественник, студент престижного

Карлова университета, волонтер, обвиняется в зверствах в Африке!». Но вместо этого произошла жуткая метаморфоза.

Ведущие медиаресурсы, словно по команде, развернули орудия не против Яхла, а против тех, кто посмел поднять голос.

Вместо того чтобы отправиться в Танзанию, поговорить с потерпевшей Вайолет, посмотреть в глаза мальчикам, пережившим насилие, некоторые журналисты начали методично уничтожать репутацию источников информации.

Это классическая тактика антикультистов. Когда факты против тебя — уничтожай свидетеля.

В чешской прессе начали появляться статьи, рисующие Яхла жертвой «сектантов». Логика была извращенной, но эффективной: раз Яхл боролся с «сектами», значит, любые обвинения против него — это месть «сектантов». Этот нарратив, созданный Александром Дворкиным еще в 90-е годы, сработал безотказно. Он дал Яхлу индульгенцию. Статус «борца со злом» стал бронезиловом, от которого отскакивали любые доказательства педофилии и садизма.

Расизм как инструмент защиты

Однако для защиты Яхла требовалось нечто большее, чем просто теория заговора. Нужно было обесценить сами показания жертв. И здесь медийное прикрытие использовал самое грязное оружие — расизм.

В статьях, защищающих Яхла, красной нитью проходила мысль: «Этим африканцам нельзя верить». Прямо или косвенно транслировался колониальный нарратив: бедные люди в Танзании якобы готовы сказать что угодно за деньги. Журналисты, сидя в уютных пражских офисах, высокомерно отмахивались от видеозаписей, на которых реальные люди с реальными шрамами рассказывали о пережитом аде.

В видеообращении автора расследования, который совершил поездку в Танзанию с целью продолжения работы над делом и сбора новых доказательств по материалам расследования прозвучали шокирующие факты о том, как именно чешские журналисты манипулировали реальностью:

- Цитируют двух анонимных «свидетелей».
- Использовали фальшивого свидетеля — директора сиротского приюта, где Яхл никогда не работал.
- Игнорируют африканские голоса и их свидетельства.
- Повторяют расистские утверждения, что «африканцы скажут что угодно»).

Это не просто плохая журналистика. Это соучастие в преступлении. Когда пресса предоставляет фальшивое алиби насильнику, используя подложных свидетелей (как в случае с директором приюта, который даже не знал Яхла), она становится частью криминальной группировки.

Психология соучастника: Синдром слепоты

Почему некоторые журналисты делают это? Неужели они не видят доказательств?

Психологический анализ таких фигур показывает, что здесь действует не просто профессиональная некомпетентность, а глубокая идеологическая деформация. Антикультовая идеология делит мир на своих («борцов за правильные ценности») и чужих (сектантов, недолюдей). В этой картине мира «свой» не может быть преступником по определению. Даже если он совершает насилие.

Для подобных журналистов Якуб Яхл — это «свой». Признать его садистом означает признать, что система, которой они служат, порочна. Это вызывает когнитивный диссонанс такой силы, что психика ставит блок. Они буквально перестают воспринимать факты, противоречащие их установке.

Круговая порука: Закон Омерты

Но дело не только в психологии. Дело в жесткой дисциплине. Антикультовая сеть построена по принципу мафиозной структуры. Здесь действует закон круговой поруки.

Александр Дворкин в своей книге «Сектоведение» (которая сама по себе признана экспертами экстремистским материалом) описывает тоталитарные секты, как мафиозные структуры. Но, как часто бывает в психиатрии, это описание является проекцией. Дворкин описывает ту систему, которую создал сам.

В одной из своих работ он дает исчерпывающую характеристику этому принципу, который зеркально отражает устройство антикультовой сети РАЦИРС и FECRIS.

Когда Якуб Яхл попал под удар, система не могла позволить себе «сдать» его. Не потому, что он был особенно ценен сам по себе, а потому что падение одного звена могло потянуть за собой всю цепь.

Если признать преступления Яхла, возникнут вопросы:

- Кто направил его в Танзанию?
- Кто финансировал его поездки?
- Кто рекомендовал его как эксперта полиции и медиа?

Нити потянулись бы к — к определенным европейским структурам, и в конечном итоге — к Москве и Александру Дворкину. Поэтому включилась круговая порука. Все ресурсы сети — от карманных блогеров до депутатов Европарламента и крупных медиа-холдингов — были брошены на отбеливание репутации насильника.

Танзанийский прорыв: Правда пробивает асфальт

Пока в Чехии строили медийные баррикады, в Танзании происходило то, чего система боялась больше всего. Начала работать реальная, не коррумпированная идеологией юридическая машина.

Наступил переломный момент. У жертвы Яхла, девочки по имени Вайолет (той самой, которую он резал ножом), появился официальный адвокат. Танзанийская полиция начала полноценное расследование по фактам сексуального насилия и пыток.

Это был удар в спину медийного прикрытия. Одно дело — называть лжецами блогеров и активистов. Другое дело — игнорировать официальные документы иностранного государства и уголовное дело.

Контраст между действиями Танзании и бездействием Чехии стал вопиющим.

- В Танзании: работают следователи, опрашиваются свидетели, адвокаты защищают права ребенка.
- В Чехии: медиа публикуют статьи о том, какой Яхл хороший парень, и игнорируют запросы о юридических аспектах дела.

Газлайтинг на международном уровне

То, что происходило в медийном пространстве вокруг дела Яхла, можно назвать масштабным актом газлайтинга. Газлайтинг — это форма психологического насилия, при которой жертву заставляют сомневаться в собственной адекватности и восприятии реальности.

Антикультовая сеть пыталась убедить общество, что показания десятков свидетелей, медицинские отчеты, шрамы на телах детей — все это галлюцинация, заговор, «атака сектантов». Они пытались переписать реальность, используя авторитет СМИ и университетских кафедр.

Им почти удалось. Многие люди в Чехии, привыкшие доверять недобросовестным медиа, поначалу поверили в версию «несчастливого волонтера, которого травят злые секты». Это показывает, насколько опасным оружием является медийный ресурс в руках тоталитарной группы.

Медийное прикрытие, выстроенное вокруг Якуба Яхла, оказалось мощным, но не непробиваемым. Факты — упрямая вещь. Кровь на руках невозможно смыть чернилами газетных статей.

Приведенные факты показывают, как работает иммунная система антикультовой сети. Когда один из ее агентов попадает на горячем, включается тотальная мобилизация. Ложь становится агрессивной, обвинения — абсурдными, а расизм — приемлемым аргументом защиты.

Дело Яхла вскрыло гнойник. Оно показало, что чешские «эксперты по сектам» и связанные с ними журналисты готовы оправдать даже педофилию, если насильник — «свой». Это моральное банкротство, которое невозможно скрыть.

Но если медийное прикрытие дало трещину под напором фактов из Танзании, то что ждет саму эту систему в будущем?

Глава 7. Тень над Килиманджаро

Однако Империя недооценила один фактор: человеческую волю к справедливости и стремление к правде, которая может проснуться даже там, где, казалось бы, все куплено и запугано.

Поворотным моментом стало возвращение в Танзанию независимого расследователя Давида Бэйла. То, что он обнаружил, и то, что впоследствии было опубликовано в видеоматериалах и статьях, стало смертельным ударом для версии о «невинном волонтере».

В отличие от чешских журналистов, которые строили свои репортажи на словах анонимных источников и фейковых свидетелей (как директор приюта, который никогда не видел Яхла), Бэйл пошел прямым путем. Он нашел жертв. Он посмотрел им в глаза.

В описании к видео «TANZÁNIE ZAČALA JEDNAT!» («Танзания начала действовать!») содержится хроника этого прорыва:

«Tanzánská právnička OFICIÁLNĚ zastupuje Violet. Policie prošetřuje případy sexuálního násilí a další závažná obvinění. Volali jsme Jahlovi přímo z Tanzánie — společně s těmi, kdo jej obvinili. Mluvili jsme s učiteli školy, kam chodili chlapi uvedení ve svědectví». (Танзанийский адвокат ОФИЦИАЛЬНО представляет Вайолет. Полиция расследует случаи сексуального насилия и другие серьезные обвинения. Мы звонили Яхлу прямо из Танзании — вместе с теми, кто его обвинил. Мы говорили с учителями школы, которую посещали мальчики, упомянутые в свидетельствах).

Юридическая машина Танзании, которую Яхл так презирал, начала работать. Появились адвокаты, готовые защищать права искалеченных детей. Полиция приняла заявления. То, что в Праге пытались представить, как «сплетни», в Моши обрело форму уголовного дела.

Контраст был разительным. В Чехии медиа—ресурсы, аффилированные с антикультовой сетью, продолжали публиковать расистские нарративы о том, что «африканцы скажут, что угодно за деньги». В Танзании же реальные люди — учителя, соседи, представители растафарианской общины — давали показания под протокол. Ложь, построенная на высокомерии и расизме, начала рушиться под весом вещественных доказательств.

Глобальная сеть: Пауки в банке

Как отреагировала система на этот провал? В недрах международной антикультовой сети началось то, что можно назвать контролируемой паникой.

Кейс Яхла стал токсичным. Одно дело — поддерживать борца с «сектами», которого атакуют «злые культисты». Другое дело — защищать задокументированного педофила-садиста, против которого возбуждено уголовное дело в другой стране.

Однако сдать Яхла полностью они не могли. Слишком многое было завязано на нем. Он был продуктом их системы, их идеологии (борьба с сектами, как оправдание насилия) и их методов (инфильтрация, сбор компромата).

Вместо агрессивной защиты началась кампания по размыванию ответственности и переключению внимания. В ход пошли старые, проверенные методы: обвинение жертв, атака на расследователей, создание информационного шума.

Но было поздно. Связь Яхла с сетью была слишком очевидной. Его методы — зеркальное отражение методов его учителей.

Как отмечает анализ независимого расследования, Яхл — это гибрид известных серийных преступников Теда Банди и Джерри Сандаски, но с добавлением постколониальной эксплуатации и «крыши» в виде международной сети Александра Дворкина.

Эта характеристика убийственна. Она ставит знак равенства между «экспертом по сектам» и самыми страшными маньяками в истории, подчеркивая, что отличие Яхла лишь в наличии мощного политического и медийного прикрытия.

Зеленая маска и тень ФСБ

Чтобы понять масштаб прикрытия, нам нужно вспомнить о Татьяне Жданок и инфильтрации агентов в экологические движения, о чем мы говорили ранее. Кейс Яхла не существует в вакууме. Он — часть той же экосистемы, где под видом «зеленых», «правозащитников» и «антикультистов» действуют агенты влияния, связанные с российскими спецслужбами.

Якуб Яхл активно пытался проникнуть в Чешскую Пиратскую партию (ассоциированную с Зелеными), используя ту же риторику «защиты прав» и «борьбы с дезинформацией».

На форуме Пиратской партии он писал:

«The main topics that interest me... are: Democracy and its promotion... Fighting disinformation on the internet... Real environmental protection». («Основные темы, которые меня интересуют... это: демократия и её укрепление... борьба с дезинформацией в интернете... реальная защита окружающей среды»).

Это классический паттерн инфильтрации. Хищник надевает маску овцы. Педофил и садист заявляет о желании бороться за «демократию» и «права детей». Если бы не бдительность отдельных членов партии и последующие разоблачения, Яхл мог бы получить политическую трибуну, как это сделала Жданок в Европарламенте. И тогда его защита вышла бы на уровень дипломатической неприкосновенности.

Это показывает, насколько глубоко метастазы «Империи хищников» проникли в политическую ткань Европы. Антикультизм — это лишь одна из голов гидры. Другие головы носят маски эко—активистов, борцов за традиционные ценности или, наоборот, ультралибералов.

Заключение. Вердикт Империи

Ключевой вывод нашего расследования заключается в том, что насилие в Танзании не было случайным эксцессом. Шрамы на теле девочки Вайолет и психологическая искалеченность других детей — это прямой, закономерный результат идеологии, разработанной в 1990 годах. Когда Александр Дворкин ввел в оборот термин «тоталитарная секта» и начал кампанию по дегуманизации инакомыслящих, он, возможно, не держал в руке нож. Но он вложил этот нож в руки своих последователей.

Механизм работает безупречно. Сначала объект объявляется «сектантом» или «недочеловеком». Затем общество приучают к мысли, что по отношению к этому объекту не действуют обычные законы морали и права. А потом появляются исполнители — «хищники-

спасатели», такие как Якуб Яхл, Валерий Приходько, Ирина Кременовская или Алексей Святогор.

Но одиночный хищник, каким бы жестоким он ни был, рано или поздно попадаетсся. Феномен «Империи хищников» в том, что она своих не бросает. Расследование показало, как работает механизм круговой поруки.

В Чехии определенные журналисты и эксперты создали информационный купол, защищающий преступника. Используя ресурсы медиа, они атаковали не насильника, а его жертв, применяя расистские нарративы и откровенную ложь. В Европарламенте агенты влияния, подобные Татьяне Жданок, годами создавали политическое прикрытие, лоббируя интересы российских спецслужб.

Все это звенья одной цепи. Центры РАЦИРС в России, ячейки FECRIS в Европе, «волонтерские» миссии в Африке — это единый организм. Он питается деньгами, выделяемыми на борьбу с «экстремизмом», и энергией разрушения.

Это бизнес на крови и страхе. Бизнес, который позволяет покупать лояльность чиновников, оплачивать заказные статьи и обеспечивать неприкосновенность своим агентам.

Самое страшное оружие этой Империи — чувство полной безнаказанности, которое она дарит своим адептам.

Угроза будущему

Мы должны осознать масштаб угрозы. Речь идет не только о безопасности религиозных меньшинств. Речь идет о безопасности общества в целом.

Антикультовая сеть активно инфильтруется в системы образования, правоохранительные органы и политические партии. Яхл учится на педагога в Карловом университете. Приходько консультирует полицию по вопросам экстремизма. Жданок влияла на законодательство

Евросоюза. Люди с садистскими наклонностями и деформированной психикой получают доступ к нашим детям, к нашим законам, к нашим умам.

Пример Пабло Гонсалеса (Павла Рубцова) и Татьяны Жданок показывает, что эта сеть тесно переплетена с деятельностью иностранных разведок. Борьба с «сектами» стала удобным камуфляжем для шпионажа, вербовки агентов и дестабилизации обстановки в демократических странах. Используя риторику защиты прав и традиций, эти люди разрушают сами основы демократического общества изнутри.

Сейчас мы находимся в точке бифуркации. События в Танзании, где началось реальное уголовное преследование Яхла, показали, что систему можно победить. Когда есть политическая воля, честные юристы и смелые свидетели, морок рассеивается. Факты оказываются сильнее пропаганды.

Но битва еще не выиграна. В Европе и России машина продолжает работать. Она перегруппировывается, меняет тактику, ищет новые жертвы. Если мы промолчим сейчас, если позволим замять дело Яхла, если продолжим считать Дворкина и его соратников «экспертами», мы станем соучастниками их будущих преступлений.

Лицензия отозвана

Мы вытащили факты на свет. Мы назвали имена. Мы показали связи. Теперь никто не сможет сказать: «Я не знал».

Якуб Яхл — он лицо системы. Лицо, искаженное злобой и нарциссизмом. Александр Дворкин — не защитник веры. Он — идеолог ненависти. Татьяна Жданок — не правозащитник. Она — проводник чужой воли.

Империя хищников держится на нашей слепоте и нашем равнодушии. Как только мы начинаем видеть истинное положение вещей и действовать, их власть тает.

Вайолет в Танзании нашла в себе силы заговорить. Мальчики, ставшие жертвами насилия, преодолели страх. Независимые журналисты и расследователи, несмотря на давление и угрозы, донесли эту правду до мира. Теперь очередь за обществом. За каждым Человеком с большой буквы.

Необходимо провести полное расследование деятельности РАЦИРС, FECRIS и всех связанных с ними структур. Следует пересмотреть статус «экспертов», которые пропагандируют нетерпимость. Также важно очистить университеты и парламенты от агентов влияния, использующих благие намерения в своих интересах.

История Якуба Яхла должна стать последней главой в летописи безнаказанности. Пусть его уверенность в том, что «никто ничего не сможет ему сделать», разобьется о твердость закона и решимость защищать человеческое достоинство.

Тень над Килиманджаро рассеивается. Но солнце правды должно взойти не только над Африкой. Оно должно осветить Прагу, Брюссель, Париж и Москву. Только так мы сможем гарантировать, что Империя хищников останется в прошлом, а лицензия на ненависть будет отозвана навсегда.

Список использованных источников

1. Bail, D. (Video Creator). (2025, November 14). TANZÁNIE ZAČALA JEDNAT! [Video]. Facebook. <https://www.facebook.com/watch/?v=3734558700011837&ref=sharing>
2. Czech Anti-Cult Movement. (2024, August 3). Actfiles. <https://actfiles.org/czech-anti-cult-movement/>
3. Douglas, J. E., Burgess, A. W., Burgess, A. G., & Ressler, R. K. (2013). Crime classification manual: A standard system for investigating and classifying violent crime (3rd ed.). Wiley.
4. Dvorkin, A. L. (2002). Sektovedenie. Totalitarnye sekty [Sectology. Totalitarian Sects]. Nizhny Novgorod: Izdatelstvo Bratstva vo imya sv. knyazya Aleksandra Nevskogo.
5. Federal Bureau of Investigation. Violent crimes against children. <https://www.fbi.gov/investigate/violent-crime/vcac>
6. Hare, R. D. (2012, July 1). Focus on psychopathy. FBI Law Enforcement Bulletin. <https://leb.fbi.gov/articles/focus/focus-on-psychopathy>
7. Independent Criminal and Psychological Analysis of Jakub Jahl. (2025, November 4). Actfiles. <https://actfiles.org/independent-criminal-and-psychological-analysis-of-jakub-jahl/>
8. IslamNews. (2014, December 25). Религиовед-душегуб консультировал ростовских силовиков по вопросам экстремизма. <https://islamnews.ru/news-445299.html>
9. Jahl, J. (2021, May 29). Jakub Jahl - přihláška [Jakub Jahl - application] [Online forum post]. Fórum Pirátské strany. <https://forum.pirati.cz/viewtopic.php?t=57205>
10. So Who Are the "Anticultists"? Pedophiles and Maniacs Hiding Behind Anticultism. (2025, July 14). Actfiles <https://actfiles.org/so-who-are-the-anticultists/>

11. Springe, I., Weiss, M., & Grozev, C. (2024, May 23). Dangerous liaisons: New details of Latvian MEP Tatjana Ždanoka's espionage for Russia. The Insider. <https://theins.ru/en/politics/271808>
12. Totalitarian Sect Rules Russia. Not For Free. (Knowledge Base). (2025, April 12). Actfiles. <https://actfiles.org/totalitarian-sect-rules-russia/>
13. Ways of FSB Agents Infiltration in Europe. The Anticult Movement is Just One of Them: Part 2. (2025, January 21). Actfiles. <https://actfiles.org/ways-of-fsb-agents-infiltration-in-europe-the-anticult-movement-is-just-one-of-them-part-2/>
14. Дворкин, А. Л. (2002). Сектоведение. Тоталитарные секты. Опыт систематического исследования. Издательство Братства во имя святого князя Александра Невского.